

Мадам Пуалис и Аврора долго разговаривали. Через десять минут они вышли из кабинета.

Люмиан проводил мадам Пуалис до дверей вместе с сестрой.

Он посмотрел на сестру и спросил: — Что она хотела от тебя?

Аврора надулась и ответила: — Она хотела, чтобы я была главной певицей на Празднике хвалы, но я отказалась.

Праздник Великого поста в деревне Корду состоял из трех частей - экскурсии с благословением весенних эльфов, ритуала на берегу воды и Праздника хвалы, который проходил в соборе. Последний этап состоял в основном из игры на музыкальных инструментах и хорового пения.

В Дариеже солистом часто выступает хор кафедрального собора, но в Корду можно было найти только тех, кто хорошо поет.

Что касается музыкальных инструментов, то жители деревень об этом не беспокоились. В деревнях, где жили пастухи, музыка или музыкальные инструменты были незаменимы в повседневной жизни.

Пастухи круглый год жили на природе, в шалашах или ямах. Кроме своих спутников и овец, самым распространенным предметом их общения была флейта, которую они носили с собой.

Помимо пастьбы, игры в карты и общения, почти каждый пастух играл на флейте и использовал музыку для своего успокоения.

Именно поэтому о пастухе, оказавшемся в трудной и бедной ситуации, говорили: «У него даже флейты нет».

Когда вокруг было так много пастухов, это неизбежно отражалось и на других жителях Корду. Когда они собирались и общались на площади, всегда находился кто-нибудь, играющий на каком-нибудь инструменте, отчего мелодичный звон доносился до них.

Люмиан был доволен тем, что его сестра отказала ей.

— Хорошо, — удовлетворенно сказал он.

Принять участие в празднике было достаточно. Если бы кто-то захотел занять центральное место, это было бы пустой тратой времени и могло привлечь ненужное внимание.

Чтобы сохранить зрение, Люмиан лишь немного почитал, а затем решил умыться и лечь спать пораньше. Он размышлял, как безопасно проверить, что именно было его особенностью.

Предложения дамы несколько раз подряд оказывались верными, и Люмиан подсознательно полностью поверил ей.

Уже глубокой ночью Люмиан снова вошел в сон и проснулся.

Проверив карманы, он убедился, что 217 верлей и 25 коппетов всё ещё были на месте.

С облегчением вздохнув, Люмиан взял топор и стальную вилку и направился вниз к печке.

Огонь уже был потушен.

«Часы продолжают идти, когда я не сплю...», — Люмиан слегка нахмурился.

Как может быть что-то особенное в таком «реальном» сне?

— Часы продолжают идти — так говорили в Дарийском регионе, и это означало, что время не ждет никого и никогда не стоит на месте.

В спальне, которую Люмиан считал наиболее безопасной, он отложил инструменты и разделся.

Подойдя к зеркалу во весь рост, прикрепленному к шкафу, он проверил своё тело сантиметр за сантиметром, не отличается ли оно от реальности.

Ничего необычного.

«Может, ментальные особенности?» — Люмиан не спешил одеваться. Вместо этого он вернулся к кровати и сел, скрестив ноги, как часто делала его сестра во время медитации.

Ранее Аврора научила его нескольким поверхностным техникам медитации, не связанным с мистическими способностями. Они способствовали появлению ясных снов. Теперь Люмиан хотел попробовать, сможет ли он почувствовать что-то особенное в своем сознании и теле в полной тишине.

Первым шагом было регулирование дыхания.

Люмиан углубил дыхание и замедлил его.

Делая медленные, длинные и ритмичные вдохи, Люмиан постепенно опустошал свой разум.

Одновременно он очертил в своем сознании красное солнце и сосредоточил на нем всё свое внимание и мысли, чтобы избавиться от других беспорядочных мыслей.

Аврора наставляла его выбирать во время медитации предметы, олицетворяющие свет на случай, если он станет мишенью для злых существ.

Люмиан, как верующий в Вечное Пылающее Солнце, первым делом представил себе солнце.

Постепенно его сознание успокоилось, и в его восприятии весь мир стал казаться только этим красным пылающим солнцем.

Вдруг Люмиан что-то услышал.

Казалось, что звук доносится с бесконечного расстояния, но в ушах звенело. Звук был неясным, но напоминал раскаты грома.

Среди неопишуемого гула у Люмиана заколотилось сердце. Как будто кто-то вставил в его голову долото и несколько раз пошевелил.

Вспыхнула острая боль, и палящее солнце стало красным, как кровь, и быстро окрасилось в черный цвет.

Сцена его медитации разлетелась на куски.

Люмиан открыл глаза и задыхался. Ему казалось, что он вот-вот умрет.

Спустя почти двадцать секунд он окончательно пришел в себя.

Инстинктивно опустив голову, он осмотрел свое тело и заметил на левой стороне груди нечто странное.

Из его сердца, казалось, выросли черные шипы, которые выходили из тела и соединялись друг с другом, вроде цепей.

Над шипами виднелись узоры, напоминающие глаза, и червеобразные искаженные линии, все синевато-черного цвета.

В этот момент символы, похожие на татуировки, медленно исчезали.

Люмиан был сначала шокирован, а затем задумался.

Он быстро встал с кровати и подошел к зеркалу, стоящему во весь рост, и направил в него свою спину.

Затем он попытался повернуть голову влево, чтобы проверить ситуацию на спине.

Он с трудом разглядел цепь из черных шипов, которая впивалась в его тело со спины.

Другими словами, эта шипованная цепь запечатала его сердце и соответствующее тело в виде кольца.

Люмиан анализировал, что же в нем такого «особенного», не похожего на реальность, пока символы полностью не потускнели и не исчезли.

«Чёрные и синевато-чёрные символы отличаются друг от друга, а синевато-черные кажутся знакомыми. Да, они очень похожи на старика, которому я помогал во время своих скитаний. Тогда же мне стали сниться сны с большим количеством тумана».

Люмиан счел символы особенными, но бессмысленными, что вызвало у него чувство разочарования.

Процесс их появления был крайне болезненным и привел его на грань смерти.

В таком состоянии, когда он едва не потерял сознание.

А если бы он подождал, пока у него снова появятся силы для борьбы, то «особая» черта почти исчезла бы.

Во сне было холодно, как ранней весной в горах. Люмиану стало не по себе от того, что он был голый, поэтому он быстро оделся.

От такого простого действия он сильно устал, и у него снова разболелась голова.

Очевидно, он не мог за короткое время оправиться от того воздействия, которое оказала на него медитация.

В таких условиях Люмиан решил на ночь отказаться от исследований и не предпринимать никаких попыток. Он должен был хорошо выспаться и сосредоточиться на восстановлении сил.

...

Когда Люмиан проснулся, небо было ещё темным.

Глядя на темноту в доме и красноту возле занавесок, он старательно вспоминал, что произошло во сне.

«Я много раз медитировал наяву, но не слышал этого странного звука и не чувствовал боли...»

Это что-то особенное, что существует только в этом сне? Люмиан сел в недоумении, собираясь подтвердить свои слова.

Он выполнил процедуру и снова попробовал медитировать.

Красное солнце быстро появилось в его сознании, и хаос в голове постепенно улегся.

Для Люмиана это была привычная медитация. Не было ни странных звуков, ни сильной боли, ни ощущения близкой смерти.

Через некоторое время он закончил медитацию, расстегнул рубашку и посмотрел на своё сердце.

Там было ровно ничего.

«Действительно, такова особенность сна. Он не может повлиять на реальность...», — Люмиан не знал, радоваться ему или огорчаться.

Он поднял голову и посмотрел на занавеску, закрывавшую окна. Его мысли разбегались, когда он думал об особой способности во снах.

В этот момент он увидел за окном маленькую тень.

Зрачки Люмиана расширились, и он напрягся, инстинктивно желая позвать сестру. Но тут он вспомнил, что находился дома, и Аврора обещала присматривать за ним.

Медленно и осторожно он подошел к окну, ожидая, что сестра остановит его.

Но Аврора не появлялась.

Люмиан подошел к окну, взялся за занавеску и осторожно приоткрыл щель.

За окном была тихая и темная ночь. Багровая луна висела далеко в небе.

Неподалеку, на вязе, тихо сидела сова, крупнее многих себе подобных, с глазами не тусклыми и не жесткими, и смотрела в окно Люмиана. Она смотрела на Люмиана с неопишным высокомерием.

«Вот та сова! Она снова здесь!»

Сердце Люмиана забило в горле.

Как и в прошлый раз, сова смотрела на Люмиана около десяти секунд, а затем расправила крылья и улетела в ночь.

«...» — Люмиан потерял дар речи.

Через некоторое время он задернул шторы и выругался: — У тебя что-то с головой?

— Ты каждый раз приходишь и смотришь, молчишь и уходишь!

— Немая, или ума нет, за столько-то лет можно было и выучить человеческий язык.

На самом деле у Люмиана были свои догадки по поводу действий совы. Он считал, что из-за существования сестры сова боится что-либо делать. Ведь Аврора сказала, что если он не будет выходить из здания ночью, то она может гарантировать его безопасность. Если бы он сейчас импульсивно высунул голову из окна, сова не оставила бы его в покое.

Поругавшись немного, Люмиан решил закрыть шторы и немного поспать.

Он случайно выглянул на улицу и вдруг замер.

Более чем в десяти метрах от него, на опушке небольшого леса, медленно шла фигура.

На ней было темное платье из грубой ткани, а волосы были тонкими и бледно-белыми.

— Нарока... — Люмиан узнал фигуру.

Это была Нарока, женщина, которую он расспрашивал о легенде про колдуна.

Лицо Нароки сливалось с темнотой, а глаза отражали странный свет при слабом багровом свете луны. Её движения были ненормально скованными, как у блуждающего призрака.

<http://tl.rulate.ru/book/85594/3272906>